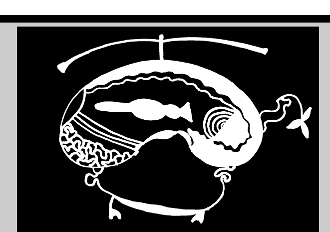

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Вышел из печати, поступает к подписчикам и в продажу апрельский выпуск газеты "ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ" (№4, 2011). В номере: передовая Александра ПРОХАНОВА, посвященная миссии русской книги, окончательная версия рейтинга 50 лучших литературных критиков XX века от Владимира БОНДАРЕНКО, интервью с Захаром ПРИЛЕПИНЫМ, проза Евгения РАДОВА, поэзия Вячеслава ЛОЖКО, Юрия ЛОПУСОВА, Елены СОЙНИ и Людмилы ШАМЕНКОВОЙ; очерк Алексея СМИРНОВА о Викторе СМЕТАННИКОВЕ, публицистика Александра ВЛАДИМИРОВА и Евгения ЧЕБАЛИНА. Александр БЕЛАЙ пишет о новой повести Михаила ПОПОВА, Марина СЕРГИЕНКО — об Олеге ОСЕТИНСКОМ. Как всегда, читатели могут познакомиться с хроникой писательской жизни.

"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ", ведущую литературную газету России, можно выписать по объединённому каталогу "Газеты и Журналы России", индекс 26260. В Москве газету можно приобрести в редакции газет "День литературы" и "Завтра", а также в книжных лавках СП России (Комсомольский пр., 13), Литинститута (Тверской бульвар, 25), ЦДЛ (Б.Никитская, 53) и в редакции "Нашего современника" (Цветной бульвар, 32). Наш телефон: (499) 246-00-54; e-mail: denlit@rol.ru; электронная версия: http://zavtra.ru/. Главный редактор — Владимир БОНДАРЕНКО.

Владимир ЛИЧУТИН, Станислав КУНЯЕВ и Василий БЕЛОВ

Александр ПРОХАНОВ

МИССИЯ РУССКОЙ КНИГИ

Я — советский писатель, а потому прекрасно знаю литературную ситуацию в последние пару десятилетий советского строя. Советская литература от начала до конца была резко идеологизирована, будучи инструментом идеологии и политики. Более того, советская идеология начиналась именно с книг, — книг, с которых стартовала советская власть: "Разгрома" Фадеева и "Как закалялась сталь" Островского, "Оптимистической трагедии" Вишневского и поэм Маяковского, ну и, разумеется, в определённой степени "Тихого Дона" Шолохова. Но и закрывался советский строй также книгами — этакими "книгами-бомбами", которые взрывали идеологическую конструкцию советской эры: "Печальный детектив" Астафьева, "Белые одежды" Дудинцева, "Дети Арбата" Рыбакова, "Пожар" Распутина. Именно эти книги были специально взяты Александром Яковлевым в качестве инструментария, который взорвал советский строй.

Исходя из этого, мы не должны забывать о том грандиозном значении, том двояком смысле книг и книжных технологий, которые как строили, так и разрушали. Не говоря уже и о том, что было внутри этого книжного строя: военная проза, деревенская проза, либеральная "трифоновская" проза и т.д. Все эти направления сформировали то духовное состояние общества, которое очень часто превращалось в состояние политическое. По существу, советский идеологический монолит был взорван изнутри двумя литературными ветвями — русской почвеннической и либеральной демократической "трифоновской". Увы, Советы не смогли создать таких книг, такой литературы, которые бы смогли конкурировать с этими разрушительными факторами, а потому "проскуринская" и "ивановская" литература не выдержала давления слева и справа.

Замечу, что все книги советского времени я называю "советскими". В том числе и книги антисоветские. И в этом смысле Солженицын с его "ГУЛАГом" был именно советской литературой, советским писателем, хотя и с другим знаком. Почему? Да потому, что советский строй проводил оси координат: это была система, которая выстраивала некую систему отсчёта, и все книги, все явления литературы были как по одну сторону координат, так и по другую, но сама эта ось была советской. И именно эта ось формировала культурное и литературное направление. В крушении же советского строя эта ось исчезла, и весь огромный литературный мир распался. Была взорвана Литературная Вселенная, которая сейчас являет собой состояние полнейшей дисперсии.

В наше время существует много талантливых писателей и очень много талантливых книг и работ, которые и в советское время получили бы огромное значение. Как положительное, с точки зрения упомянутой оси, так и отрицательное. Но поскольку этой оси нет, исчез флогистон, эфир этой культуры, то каждая отдельно взятая, даже самая яркая, книга ещё не делает литературу. Эти книги движутся в пустоте, этаком культурном вакууме, а потому пока что не создают такой сложной системы, которой является культура.

Одна отдельно взятая написанная книга, прежде чем стать частью культуры, должна пройти целый ряд фильтров. Она должна пройти сквозь фильтр авторитетной критики, которая объяснит её место в общем контексте, через общественное сознание, которое также должно быть зафиксировано критикой. Сигналы от читающей публики должны вернуться к художнику и, вернувшись к нему, должны скорректировать появление его следующей работы. И это именно то, что называется "социодинамическим циклом", который должен быть замкнут, но именно этого-то и не происходит. В советское время существовала монополия на печатную продукцию, на книги, и эта ось была государственной, а потому формировала литературно-художественный процесс, сейчас же государство отказалось от этого, литература выпущена на свободу. И хотя она так долго к этой свободе стремилась, как только оказалась на свободе, сразу почувствовала себя сиротой, беспризорной и никому не нужной.

Сегодня литература пытается самоорганизоваться по нескольким признакам. Центром кристаллизации литературных школ, то есть, собственно литературы, является часть издательств. Так, например, ещё недавно издательство "Ad Marginem" было целым культурологическим центром, однако этот процесс, когда издательства становились культуртрегерами, давно закончился, поскольку небольшие интеллектуальные издательства либо разорились, либо влились в огромные "фабрики книг", наподобие "ЭКСМО" или "АСТ", где практически полностью отсутствует культурология, а к книге подходят как к товару. В итоге сегодня существуют огромные "кирпичные заводы", выпускающие на бумаге "кирпич хорошего качества".

И в то же время остаются клубные литературные премии, которые также являются центрами, вокруг которых формируются школы. В члены этих клубов принимаются художники определённых взглядов и направлений. И именно эти премии создают сегодня ту полицентрическую среду, которая пытается организовать литературу, пытается, словно в планетарной системе, затянуть в свою гравитацию все отдельно взятые литературные направления.

Сегодня книга, и мы должны это признать, является достоянием очень узкого круга людей, которые не могут не читать. Тех интеллектуалов, которые понимают, что знания приобретаются не из телевидения, а из книг. Когда-то у меня была надежда на то, что по мере смыслового выхолащивания средств массовой информации книги могли бы стать носителями смыслов. Но этот момент не наступил. Тем не менее, мне и сейчас кажется, что в современных книгах есть смыслы, а, может быть, даже крупные подспудные мировоззрения, которые пока ещё не сложились. Уверен, человечество беременно этими мировоззрениями, поскольку старые формы бытия себя исчерпали. Мы видим это из-за частоты кризисов, аварий, взрывов, революций, катастроф...

К сожалению, альтернативного взгляда на мироздание пока ещё не нашлось и не сложилось. Скорее всего, он возникнет именно в книгах. Хотя и не обязательно. Он может отлиться и в музыку, и в живопись, и в дизайн. Но правильнее всего, если он начнёт формироваться и начнёт проявляться везде и во всём.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПРЕДСТАВЛЯЕТ НОВЫЕ КНИГИ

ПОГОДИН М. П. Вечное начало. Русский дух / Отв. ред. Платонов О. А. — М.: Институт русской цивилизации, 2011, 832 с.

В книге впервые после более чем столетнего перерыва издаются главные идеологические труды выдающегося русского мыслителя, историка, писателя Михаила Петровича Погодина (1800-1875). В основе его учения лежало утверждение самобытности русского исторического процесса. Он справедливо полагал, что в основе русской критики — "вечное начало, русский дух", и что в ней полностью отсутствует внутренняя борьба.

Источником внутренней борьбы на Западе Погодин считал завоевания, которых не видел в России, так как полагал, что Русское государство основано без насилия. Считал невозможным осмысление русского исторического процесса с выводами и обобщениями, ибо, по Погодину, русская история не может быть подведена под ту или иную теорию, в ней много "чудесного и необъяснимого". Главную задачу истории видел в том, чтобы она сделалась "...охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия...".

Погодин стоял на твердых идеологических позициях — Православие, самодержавие, народность, поддерживал славянство, национальные движения. Погодин был близок к славянофилам.

ISBN 978-5-902725-75-6

ХОМЯКОВ Д. А. Православие. Самодержавие. Народность (Составление, вступ. ст., примечания, именной словарь А. Д. Каплина) Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011, 576 с.

В книге публикуются главные произведения выдающегося русского мыслителя (старшего сына основоположника славянофильства Алексея Степановича Хомякова) — одного из основателей Союза Русских Людей в Москве (1905 г.), члена Предсоборного Присутствия, знатока множества языков, богослова, филолога, историка, публициста Дмитрия Алексеевича Хомякова (1841-1919). Труды Хомякова в систематизированном виде формулируют главные понятия русской идеологии.

Подавляющее большинство сочинений публикуется впервые после 1917 года.

Главный труд — "Православие. Самодержавие. Народность" — издается по первым прижизненным журнальным публикациям.

ISBN 978-5-902725-81-7

Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству / Составление, комментарии, послесловие В. В. Семенцова, предисловие А. Ю. Минакова / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011, 672 с.

В книге впервые с середины XIX века публикуются главные произведения выдающегося государственного и общественного деятеля, великого ученого-филолога, президента Российской академии наук адмирала Александра Семеновича Шишкова (1754-1841). Труды Шишкова в области филологии сыграли важную роль в становлении русского литературного языка. Идеи Шишкова оказали значительное влияние на литературу, просвещение, политику и идеологию. В 1820-х годах он был одним из главных вождей "русской партии", выступавшей против западного влияния, либерализма и масонства. Как министр просвещения Шишков главную задачу воспитания видел в том, чтобы вложить в душу ребенка "огонь народной гордости", "огонь любви к Отечеству", что могло обеспечить национальное воспитание, развивающее знания на родной почве, на родном языке. Предпочтение должно отдаваться преподаванию русского языка, отечественной истории и права. Стараниями Шишкова был принят новый устав о цензуре, направленной против распространения в русском обществе революционных, либеральных и мистических идей.

ISBN 978-5-902725-83-1

Алексей СМИРНОВ

НЕСТИ СВОЙ КРЕСТ

Это он, рискуя жизнью, прыгал с парашютом на Северный и на Южный полюс, первым в мире установив там православный Крест. Восемь образований, включая юридическое и консерваторское, кандидат социологических наук, подполковник ГРУ, священнослужитель Русской Православной Церкви, один из лучших строителей на Горном Алтае... Всё это – один человек, Виктор Викторович СМЕТАННИКОВ. По-военному подтянутый, не унывавший ни при каких обстоятельствах...

Армия и церковь по внутренней дисциплине схожи: там и там приказы не обсуждают. Сметанникову достался старый полуразвалившийся приход, подобие склада. Не было священников, не было клироса, не было сторожей. Пришлось всё восстанавливать и всё делать самому. Прошло немного времени — и засияли на стенах иконы, в храм потянулись люди. Кроме службы в церкви, он руководил мужским православным хором "Сибирские певчие", организовал при церкви реставрационно-иконописную артель, церковно-приходскую школу, школу традиционной казачьей культуры "Ермакова рать", издательский отдел. По его инициативе начались ставшие потом традиционными, ежегодными, фестивали русской музыки "Покровская осень", а в 1998 году он, при поддержке управления Западно-Сибирской железной дороги, организовал двухнедельную гастрольную поездку по Новосибирской области, дав начало акции миссионерского поезда "За духовное возрождение Сибири".

Имя отца Виктора становилось всё популярней. Его открытая душа не знала отказа. С криминалом или с "новыми русскими" отцу Виктору изначально было не по пути. Церковь, выделив ему самый неустроенный храм, помогала мало. Среди бизнесменов у него были друзья, но Сметанников не привык жить на подаяние. Он организует при своём приходе столярную мастерскую, по всему городу открывает иконные лавки, разрабатывает программу по возрождению сельских православных традиций, создаёт крестьянскую сельскохозяйственную общину на 6000 гектар.

Но главной заботой Сметанникова была, конечно, армия, которая в то время находилась в бедственном положении. В войсках к нему относились с неподдельным уважением. На учебном полигоне вместе с солдатами он бросал гранаты и ложился под танки. Ободряя новобранцев, с парашютом первый прыгал за борт. Ездил на Северный флот освящать подшефную подводную лодку "Новосибирск" и катапультировался там с глубины, выполнив так называемый "норматив на выживаемость". На экранах местного телевидения можно было увидеть, как отец Виктор молодецки сидит на танке с автоматом в руках. В его кабинете, помимо икон и книг, была и двухпудовая гиря. За время службы в войсках иерей Сметанников получил значок "отличный десантник" и "отличник ВМФ". На такого духовного отца военным можно было равняться.

Когда осенью 1994 года начались боевые действия в Чечне, отец Виктор оказался там. Со знаменитой Бердской бригадой спецназа ГРУ он выезжал туда трижды в первую и трижды во вторую кампании. Бригада спецназа прославилась тем, что первой вошла в Грозный в декабре 1994 года. Хватался ли священник за оружие, когда рядом падали свои? Лез ли первым под пули, или же прятался за чужие спины? Скажем так, что в боях его контузило. Рассматривался вопрос о боевой награде, но запнулись, вроде как компрометирует духовный сан. Присвоили "гвардии войсковой священник". В армии "гвардию" дают за героизм, мужество и военное искусство. Теперь в войсках звучало: "Товарищ гвардии войсковой священник, разрешите обратиться". Он дорожил этим званием.

Священник на передовой и священник в городе — это разные стихии. Перед лицом смерти многие вспоминают Бога. Сметанников говорил: "Если с той стороны за веру идут на смерть, то как без веры одолеть противника?" В его походную церковь в окопавшейся Ханкале стекались люди из разных частей и родов войск. В день приходилось крестить до 30-ти человек. Трудно было видеть, как смерть уносит жизни. Ему же приходилось и отпевать. Он многое там пережил. С войны возвращаются другими.

Вот его тогдашние размышления о чеченской войне: "Запад контролирует и ведёт циничную, утончённую войну против России… Иные силы пытаются преподнести конфликт как исламо-христианский. На самом деле… в рядах боевиков против Российской армии воюет не чеченский народ, а уголовники разных национальностей… Православная вера многие столетия объединяла Русь, помогала выстоять против многочисленных врагов. После развала Советского Союза в России нет никакой идеологии. Это очень опасно, потому что патриотизм строится на всеобщей объединяющей вере, идее. Без неё — то, что мы, к сожалению, наблюдаем сегодня. Отсутствие духовности и идеологии угрожает целостности России".

Покорение Сметанниковым полюсов — отдельная история. Сначала был Северный полюс, 20 апреля 1998, на православную Пасху. Это православное завоевание отец Виктор посвятил 400-летию сибирского похода Ермака. На полюс он отправился в составе молодёжной парашютной экспедиции. В экспедиции принимало участие 70 представителей из девяти стран. Сметанников прыгал первым. Приземлившись на снег, Сметанников взвалил на плечи собранный из частей трёхметровый деревянный крест и понёс его к последней северной точке, ещё не освоенной Православием земли.

— Где Россия-то? В какой стороне? — спросил он, устанавливая крест. Кто-то недоумённо ответил:

— Здесь в какую сторону ни посмотри — везде юг.

— При чём тут юг? Мне Россия нужна!

— Вот там Томск, — показали рукой куда-то вдаль.

Крест заскрипел в пробуравленной лунке, поворачиваясь к России. В звенящем морозном воздухе разнеслись слова пасхального торжества: "Христос воскресе из мёртвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав".

Видеоматериалы об установлении Креста на Северном полюсе вошли в фильм "Северный полюс", который впоследствии обошёл полмира.

В 2000 году, на новый год, в составе международной экспедиции он прыгнул с парашютом на Южный полюс и установил и там на Рождество трёхметровый Крест.

Температура воздуха на высоте — пятьдесят пять градусов мороза. Скорость встречного потока — сорок метров в секунду. Небо и линия горизонта сливаются в слепящую белую массу снега и облаков. Все предыдущие попытки прыгнуть в Антарктиде заканчивались трагически. Последний такой случай произошёл год назад, в декабре 1998 года, когда шестеро опытнейших американцев прыгнули в точке прямо над географическим полюсом — в живых осталось только трое, остальные не смогли раскрыть парашют. Русский священник отец Виктор — прыгнул первым. Совершив пару кругов над визжащей толпой, отче на хорошей скорости врубился спецназовскими ботинками в плотный антарктический снег. За ним стали приземляться остальные.

Это была беспрецедентная экспедиция. Её планировали несколько раз, причём многие страны. Но из-за невозможности эвакуировать участников со льдов Антарктиды задуманное всё время приходилось откладывать. Не под силу это было даже американцам: у авиации ВВС США есть специальный высокогрузный самолёт, оборудованный шасси и лыжами, который мог бы забрать участников экспедиции и их груз, но его эксплуатация возможна только с разрешения конгресса США, поскольку выливается в астрономические суммы. Российско-белорусская команда, организовавшая экспедицию, пошла другим путём. Решили покорить полюс на специально сконструированных вездеходах с редукторами от списанных стратегических бомбардировщиков. На подобный блицкриг способна только Россия.

Парашютный десант высадился в полночь на Новый год в районе крайней полярной станции Пэтриот Хиллс. Здесь же к российско-белорусской группе присоединились участники из других стран. Впереди были ещё полторы тысячи километров, которые предстояло пройти на восьми вездеходах. Последнюю часть пути, оставив в промежуточном лагере половину поломавшихся машин и более половины группы, Сметанников и тринадцать избранных пробирались на пределе физических и психических сил. Погода резко ухудшилась, боковой ветер достигал 30 м/с. Особую опасность представляли многометровые трещины во льду, сокрытые снегом, — в одну из них угодил вездеход. Под конец пошла полоса с высокими, иногда до полутора метров, ледяными застругами, называемыми здесь "зубья дракона". По мере приближения к полюсу у вездеходов упала мощность и без того полумёртвых двигателей. Высота здесь около трёх тысяч метров, разреженный воздух, недостаток кислорода, мороз и голод. Ничего труднее в своей жизни четырнадцать измученных человек не испытывали. Никакие приспособления для разогрева воды, типа примусов, паяльных ламп и прочего, здесь не работали — нет кислорода! Топить твёрдый снег и греть воду для приготовления любимой растворимой лапши приходилось с помощью газовой горелки воздушного шара.

Наконец они у цели. Сотрудники американской станции, возле которой находится полюс, были заинтригованы приближением необычной группы вездеходов: "Русские идут!" Полюс находится в ста метрах от корпусов станции и обозначен пограничным столбом с зеркальной сферой. Возникло некоторое сопротивление администрации станции, возражавшей против установления возле точки полюса православного креста. Из-за этого у отца Виктора начались "антиамериканские волнения". Однако, всё утряслось, крест был водружён.

На "большую землю" ушла телеграмма: "На Южном полюсе, на вершине нашей планеты, в светлый праздник Рождества Христова в рамках экспедиции торжественно зажжён Огонь Мира и после подписания меморандума "Обращение к Человечеству" был дан старт "Маршу Мира". Над полюсом поднялся воздушный шар со знаменем Мира Рериха, государственными флагами Беларуси, России и флагом ООН. Отцом Виктором был воздвигнут православный Крест и отслужен праздничный молебен. На полюсе подняты государственные флаги стран участниц экспедиции".

На Южном полюсе отец Виктор не только провёл службу, но и совершил таинство бракосочетания американской пары: окрестил, а затем и обвенчал. По случаю водружения на Южном полюсе православного Креста отец Виктор совместно с Патриархом Алексием II отслужил молебен в Успенском соборе Кремля.

Для православных людей, верующих в планетарную миссию России, установление русским священником Креста на оси планеты — знаковое событие. Среди православных бытует старое греческое пророчество о русском народе: "На смену одряхлевшему духовно избранному греческому народу Господь Промыслитель пошлёт третий богоизбранный Свой народ… Сей дивный свет Христов озарит оттуда и просветит все народы мира, чему поможет промыслительно посланная заранее в рассеяние часть этого народа". О провиденциальной планетарной миссии России указывала Державная икона Богоматери, чудесным образом найденная в день отречения последнего царя. Держава в руках Богоматери на этой иконе — наша планета. Ось полюсов — жезл власти, которым надлежит в это время быть отмеченным державному вождю. Священник из Сибири Виктор Сметанников водружением на полюсах русского Креста обозначил для мира начало новой эпохи — эпохи России.

После полярных завоеваний России спохватился Запад, и через год католический священник Андреатта по благословлению римского папы прибыл на Северный и Южный полюс, где и установил католический крест, сообщив при этом, что "крест стал осью Земли".

О приоритете Сметанникова и неожиданном смысле, вкладываемом в полярные завоевания русскими, вспомнили 5 апреля 2008 года, когда архиепископ Петропавловский и Камчатский Игнатий совершил на Северном полюсе православную службу.

Полярное завоевание Сметанникова — это народная инициатива и народная дипломатия. Русский патриотизм в подлинном своём значении заметно отличается от обычных патриотизмов и национализмов. Ибо русская национальная идея, а она же — православная, заключается в том, что Россией спасётся мир.

Что же Сметанников? А он никогда не унывал. Пока два года его сажали, он преподавал социологию в архитектурно-строительной академии. Когда же всё закончилось, армейское начальство предложило ему отправиться на восстановление алтайского села, разрушенного землетрясением. Так он переквалифицировался в строителя, стал строить в сложных условиях Алтая. Здесь он попытался, забыв всё, начать жизнь с нуля.

Ребята-строители за его манеру командовать величали его Генерал, хотя здесь никто не знал о его войсковом и церковном прошлом. На кого он был менее всего похож, так это на елейного священника. Лишних слов на ветер не бросал, что обещал, то делал. Моралью не томил. Когда ему выговаривали, даже несправедливое, — не спорил, не оправдывался, лишь, нахмурившись, молчал. Объяснял другим всё просто и ясно, умел внимательно выслушать и, сколько мог, помогал. На Алтае он стал известен как хороший строитель. Фирма, в которой он со временем осел, благодаря ему стала выполнять заказы сравнительно недорого, качественно и — на редкость для здешних мест — в срок.

Он и здесь пытался создать своего рода то ли социализм, то ли духовно-трудовую общину. Ввёл социальную помощь, помогал рабочим кредитами, построил общежитие. На его объектах поддерживался чёткий порядок, как в армии. Сам не пил и до завершения строительства не разрешал пить в бригадах. С утра до вечера, без выходных, включая праздники, мотался по разбросанным по горам объектам. Про таких говорят — трудоголик. Но правильнее было бы сказать — его жизнь заключалась в работе и борьбе.

Куда стремился Сметанников, в чём был для него жизненный смысл, от чего и куда он бежал? Денег всегда сторонился, на фирме работал как директор по строительству, собственность была не его. Его широкой душе нужен был размах. Среди редких знакомых находились люди, с которыми он пытался продумать духовно-общинное построение Алтая. Но когда время такого строительства придёт?

Когда до Алтая в 2009-м докатился мировой кризис и инвестиции в строительство остановились, Сметанников вернулся к старому, заговорил о вырождении русского начала, что когда-то это были богатыри, а сейчас: "Молодые парни приходят на стройку, а в глазах нет ничего". Помимо стройбизнеса организовали лесопилку, купили финское оборудование, но где найти нормальные кадры? Туда приезжаешь, а там, как в Чикаго: между рабочими разборки, половина продукции разворовывается или сбрасывается налево, план срывается.

Мировой кризис катком прошёлся по многим. Для Сметанникова всё одновременно сплелось в один тугой клубок. Столичные заказчики за выполненные работы не заплатили и исчезли. Субподрядчики и бригады требуют своего. Две лучшие строительные бригады за один сезон сгинули: одна бригада попросила у него денег в долг, купила машину и, возвращаясь, разбилась, все погибли. Во второй один запил и втянул остальных, так бригада и развалилась. Из-за невозможности привлекать дорогих специалистов вынужден был нанимать узбеков. А от тех только отойдёшь, как нахалтурят и всё испортят. Для Сметанникова так невозможно — это же дело чести, а здесь стыдно заказчику в глаза посмотреть. Так Сметанникова на почве общего переутомления хватил сердечный удар, но как только чуть оправился, из-под капельницы убежал на работу — ведь всё держалось исключительно на нём. А через неделю — автомобильная авария. А через три недели — на брёвнах лесопилки оступился и поломал рёбра. Немного отлежался — и снова на работу.

Всё имеет свой скрытый смысл и свою отмеренную судьбу. 7 декабря 2010 года Виктора Сметанникова не стало.

Он не дожил до пятидесяти лет. Всегда готовый, как Суворов, штурмовать Альпы, он вполне мог стать первым священником, который и в открытый космос ради прославления России вынес бы русский Крест.

Сметанников был настоящим русским, с отзывчивым сердцем, неугомонный, непокорный, с неутолимой жаждой строить новый, лучший мир. И военного, и священника, и строителя — его любило громадное число людей, которых он до последнего дня озарял своим мужеством, непоколебимой верой в победу.

Герои не живут долго. Они метеором пронзают небо, чтобы напомнить человеку его призвание: летать, а не ползать. Со всеми своими талантами он не вписался в это перестроечное время. Что ж, не беда, на небесах такие не засиживаются. Он досрочно ушёл, чтобы снова прийти — продолжать возрождать Россию.

Сокращенный вариант. Полностью — в газете «День литературы», 2011, № 4